

Концепт перестройки в дальневосточной художественной литературе конца XX — начала XXI в.

Елена Сергеевна Волкова,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: elenavolkova1@yandex.ru.

Автор ставит своей целью проанализировать употребление термина «перестройка» в дальневосточной художественной литературе, его смысловое наполнение, сопутствующие определения, оценки, эмоциональные реакции. Это важно для выявления отношения общества к перестроичным преобразованиям. Все упоминаемые в статье поэты и прозаики — современники той эпохи. Исследование показало, что надежды и эйфорические настроения в обществе быстро сменяются разочарованием, смятением, дезориентацией. Многие литературные герои связывают перестройку с именем М.С. Горбачёва, возлагая на него ответственность за провал реформ. В постсоветский период авторы художественных произведений неизбежно рассматривают перестройку через призму распада СССР и последующего периода радикальных рыночных реформ, считая обвал производства, разрушение социальной инфраструктуры, криминализацию общества, резкое социальное расслоение, падение уровня жизни широких слоёв населения и переживаемый миллионами граждан кризис идентичности прямыми следствиями перестройки, отсюда — преобладание негативных оценок. Более того, термин «перестройка» в художественной литературе нередко применяется и для описания позднейших событий и процессов — вплоть до начала нового столетия. Подобная тенденция обнаружена дальневосточными историками и при проведении полевых исследований в регионе, это позволяет заключить, что перестройка и «лихие девяностые» в общественном сознании сливаются в единый процесс разрушения привычного советского мира и глубоких трансформаций во всех сферах.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, перестройка, 1980-е, 1990-е, дальневосточная художественная литература, писатели Дальнего Востока.

**The Concept of Perestroika in the Far Eastern Fiction
in the Late 20th—Early 21st Century.**

Elena Volkova, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: elenavolkova1@yandex.ru.

The author aims to analyze the use of the term “perestroika” in the Far Eastern fiction, its semantic content, associated definitions, evaluations and emotional reactions. This is important for revealing the attitude of society

towards perestroika transformations. All poets and prose writers mentioned in the paper are contemporaries of that era. The study showed that hopes and euphoric moods in society were quickly replaced by disappointment, confusion and disorientation. Many literary heroes associate perestroika with the name of Mikhail Gorbachev, blaming him for the failure of reforms. During the post-Soviet period, the fiction authors inevitably view perestroika through the prism of the collapse of the USSR and the subsequent period of radical market reforms, considering the decline in production, the destruction of social infrastructure, criminalization of society, severe social stratification, falling living standards of the population and the identity crisis experienced by millions of citizens as direct consequences of perestroika; hence, the predominance of negative assessments. Moreover, the term “perestroika” in Far Eastern fiction is often used to describe later events and processes — right up to the beginning of the new century. A similar trend was discovered by Far Eastern historians during field research in the region, which allows us to conclude that perestroika and the “turbulent nineties” merge in the public consciousness into a single process of the destruction of the familiar Soviet world and fundamental transformations in all spheres.

Keywords: Russian Far East, perestroika, 1980s, 1990s, Far Eastern fiction, Far Eastern writers.

Эпоха перестройки в СССР по историческим меркам была короткой, но выразительной, динамичной, событийно и эмоционально насыщенной. Остаться к ней равнодушным очень сложно, что подтверждают дискуссии, которые продолжаются и сегодня, по прошествии нескольких десятилетий, не только среди исследователей, но и среди простых людей, не имеющих отношения к исторической науке. Нам близка позиция А.К. Соколова, призывающего смотреть на историю не сверху, с позиции сильных мира сего, а с точки зрения обычного человека, с учётом рутинных практик и повседневных структур, в которые он включён, его места в системе общественных связей и взаимодействия с властными институтами [31]. Отметим, что литературные тексты, созданные современниками перестройки, (разумеется, в сочетании с другими источниками) открывают широкие возможности для реализации этого подхода. При проведении исследования было проанализировано более 50 поэтических и прозаических произведений дальневосточных авторов (стихотворения, рассказы, повести, романы), опубликованных со второй половины 1980-х и до начала 2020-х¹, некоторые тексты впервые вводятся в научный оборот. Концепт в нашем понимании — это ментальное образование, включающее в себя существенные признаки явления, а также субъективные оценки и ассоциации, связанные с ним². Таким образом,

¹ Территориальные рамки определяются исходя из традиционных географических представлений о Дальнем Востоке России, поэтому Забайкальский край, Бурятия и Якутия, включённые в состав Дальневосточного федерального округа, остаются за границами данного исследования.

² В понимании концепта автор следует за М.М. Ангеловой: «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. М., 2004. Вып. 3. С. 3—10.

в задачи исследователя входит фиксация не только событий и процессов перестроечной эпохи, получивших отражение в художественной литературе, но и отношения дальневосточных авторов и их героев к происходящему, кроме того, важно проанализировать, как трансформировался концепт перестройки с течением времени и как соотносится перестроечный период с последовавшими за ним «лихими девяностами». В фокусе нашего внимания находится и употребление прилагательного «перестроечный».

«Годы перестройки возбудили общественные надежды», — пишет в своём рассказе-эссе приморский автор И.И. Шепета [41, с. 19]; отмечим, что эта тема красной строкой проходит через художественные тексты современников. «Прекрасное смутное время», — так определяет эпоху владивостокский поэт А.П. Романенко [41, с. 75]. «Наивный романтизм перестройки», — эти слова фигурируют в названии повести приамурского прозаика Л.А. Симачёва, который в предисловии к своей книге заключает: «...никогда не нужно идти на поводу у времени... (а мы все так были наивно очарованы перестройкой)» [30, с. 8—9]. Предисловие написано в начале 2000-х, а в повести, работа над которой была завершена в 1989 г., герои ещё полны надежд, мечтают, строят планы и с готовностью включаются в процесс реформирования. Анатолий Куликов, персонаж хабаровского писателя В.В. Сукачёва, шагающий по городу в импортных сапожках под большим зонтом, любуясь на шумных демонстрантов, удовлетворённо восклицает: «Подождите, мы *ещё и не так грохнем — страну поднимем на дыбы!*» [33, с. 117] Куликов, недавно получивший на работе трёхкомнатную квартиру, как ценный сотрудник, смотрит в будущее с оптимизмом: «Сейчас, по новым временам, я далеко могу пойти» [33, с. 114].

На что же надеялись, чего ждали от перестройки? Прежде всего, свободы, справедливости, повышения уровня жизни (к середине 1980-х потребительское общество в стране, в том числе и в Дальневосточном регионе, в общем и целом было сформировано³ [21, с. 492, 917]). Чаяния широких слоёв населения многократно звучали, власть демонстрировала свою готовность прислушаться к мнению людей, основные социальные запросы включались в программу преобразований. Результаты по первому пункту — свобода — не замедлили себя ждать: в стране была объявлена гласность, отменена цензура, опубликовано огромное количество произведений, которые раньше не имели шансов дойти до широкого читателя, легализовано частное предпринимательство, активизировались контакты с зарубежными государствами (литературные герои поспешили воспользоваться этими возможностями), но со вторым и третьим пунктами оказалось гораздо сложнее.

Ушлый замполит в рассказе В.В. Сукачёва проводит политинформацию в подразделении вневедомственной охраны: «*Перестройка и новое мышление буквально пронизали всё наше общество...*» — и далее

³ Литературные герои тоже рассуждают о ценностях потребительского общества. Так, персонаж В.В. Илюшина, интеллигент-грузчик, настроен критически: «Человечество вырождается и превращается в безмозглую ораву рвачей... Гонка за тряпьём, машинами, побрякушками, телевизор этот поганый... Упадок, сплошной упадок кругом» [12].

в том же духе. Но рядовые сотрудники не дают ему договорить, перебивают. «...*Три года уже перестраиваемся, а за колбасой всё одно в Москву приходится ездить... И за сыром, и за маслом сливочным...*»; «*К конфетам не подступись...*»; «...*Спальный гарнитур моя жинка двадцать лет купить никак не может...*»; «*Пенсию прибавят...?*»; «...*Как насчёт квартир?*»; «*Когда мы окончательно перестроимся?*» [33, с. 494–495].

Трудно не согласиться с дальневосточными исследователями, заключающими, что «постепенно вектор перестройки смещался с поиска новых духовных оснований общества на поиски справедливости лично для себя, а вернее — на легитимацию ценностей потребления» [15, с. 38]. Ещё один персонаж В.В. Сукачёва, «парень оборотистый», только что вернувшийся из Германии, поясняет приятелям, что пора перестраиваться, а это значит — ставить на первое место личные интересы: «*если тебе будет хорошо, то и отечество заживёт неплохо...*» [33, с. 457–458]. Здесь очевидна отсылка к «невидимой руке рынка» — метафоре шотландского экономиста Адама Смита, быстро набиравшей популярность в годы перестройки.

В том же русле рассуждает и персонаж сахалинского прозаика И.Д. Левитес, который уговаривает сестру заняться бизнесом: «*Да неужели тебе достаточно посредственной еды, убогих тряпок и тесноты, в которой вы все тут ютитесь! Когда в мире существуют виллы на Лазурном берегу, морские круизы, „Мерседесы“ и пальмы!*» — восклицает брат. «*Тут я ничего не могла вразумить. Пальмы были убийственным аргументом*», — с иронией комментирует автобиографическая героиня, работающая преподавателем на три ставки, а в свободное время обшивающая всю семью [18, с. 18–20]. Однако к концу рассказа выясняется, что бизнес, в который были инвестированы все средства, отложенные семьёй на чёрный день, увы, не задался.

Отметим, что все основные составляющие политики перестройки (ускорение, хозрасчёты, развитие кооперации, гласность, отмена цензуры, демократизация, «новое мышление» во внешней политике, антиалкогольная кампания) нашли отражение в художественных произведениях. Литературные герои бесконечно обсуждают нововведения — кто с энтузиазмом, кто возмущённо, кто с недоумением. «*Мы живём в уникальное время, его надо использовать*», — говорит в романе В.В. Илюшина «Письма осени» теневой делец по прозвищу Папаша [12]. А вот шоффёр Данилов негодует: «...*начальство всё напуганное, работать боится и не работать боится, опять: давай-давай! и опять работяга во всём крайний! Переводят на хозрасчёт, но ведь, здраво рассудить, какой может быть хозрасчёт, когда нет запчастей? Ни хрена нет, всё ищешь да покупаешь. <...> Что это за ускорение такое, когда тяжёлую, как танк, машину гоняют с грузами в шесть-семь тонн туда-сюда, да ещё и орут, если вякнешь. <...> ...а потом ещё удивляемся, откуда у нас бардак...*» [12].

Но вскоре выясняется, что герой, обвиняющий руководство предприятия, и сам причастен к созданию бардака. Резко затормозив и чуть не попав в аварию, Данилов обнаруживает, что коллекторное кольцо — тяжёлая бетонная конструкция — в кузове грузовика съехало на бок: «*Без крана тут не обойтись, либо же — сбрасывать*», — рассуждает герой и делает выбор в пользу второго варианта: кран вызывать неохота.

„Уберут!“—подумал Данилов... Он надеялся к шести часам вернуться в город—собрались с сыном на дачу, а вечером хотел заняться извозом на лично ему принадлежавшем стареньком „Москвиче“. У него уже и водка была припасена для ночных гуляк. За одну такую „извозную“ ночь Данилов, бывало, зарабатывал до восьмидесяти рублей,—столько, сколько у него выходило за неделю на основной работе», а «кольцо так и осталось лежать на обочине, вылезая на асфальт бетонным краем» [12]. Если в начале романа на дорогу падает коллекторное кольцо, то в конце произведения в него врезается тот самый автомобиль — и взрывается. Только за рулём уже не Данилов, а фарцовщик по кличке Китаец, наркоман и убийца, который только что отправил владельца машины на тот свет⁴.

Автор далёк от однозначных, упрощённых трактовок перестроечных процессов, он показывает, что советское общество второй половины 1980-х было сложным, пёстрым, многоликим и — стремительно трансформировалось. Название романа — «Письма осени» (годы написания — 1986—1988) — можно рассматривать как предвидение краха советского государства: эпоха перестройки не что иное как осень Советского Союза, его закат. Добавим, что В.В. Илюшин входил в ту немногочисленную группу художественной интеллигенции, которая сразу же приняла перестроечные реформы в штыки, минуя этап эйфории и опьянения свободой.

Произведение даёт читателю представление и о жарких перестроечных спорах, поисках героями истины и жизненной стратегии, пути для себя и своей страны. Приведём лишь два характерных отрывка. Интеллигент-грузчик сидит на кухне с интеллигентом-дворником (знаковые типажи позднесоветского периода) и пытается обрисовать ему идеологический тупик советского человека: *«Тебе говорят, что нет никакой души, что это химера. Нет — и всё! И бога нету, и верить нехорошо, верующие — отсталые люди. Но тут же рядом на всех углах портреты одного человека, и ты просто обязан верить в светлое будущее, просто обязан!»* Интеллигент-дворник, в свою очередь, ищет ответ на извечный русский вопрос «Кто виноват?»: *«Ну почему мы так любим искать везде виноватых, только не в себе самих? То нам Сталин виноват, то система, то ещё что-нибудь. Но ведь всё это — мы, не ЦРУ же к нам подонков засыпает, они плодятся на нашей собственной расхлябанности и разгульдяйстве, которое поощряется...»* [12] Эта атмосфера нескончаемых дискуссий, метаний, сомнений и поисков получила отражение и в стихах И.И. Шепеты: *«Всё вокруг и двойственно и спорно»* [40, с. 13]. Таксист-частник в повести В.Г. Заводинского заключает: *«С этой перестройкой ничего уже не разберёшь»* [10, с. 26]. *«Сорвалось всё с законного места, стронулось к едрене бабушке...»* — вторит ему сторож в рассказе В.В. Сукачёва [33, с. 499—500].

Два персонажа магаданского прозаика Ю.П. Пензина, живущие в колымском посёлке, бывшие буровой мастер и геолог, демонстрируют

⁴ Отметим, что В.В. Илюшин в своём произведении уделяет существенное внимание криминальной составляющей эпохи (как и его коллеги В.Г. Заводинский, В.В. Горбань, К.А. Партика, А.Л. Драбкин), но эта тема заслуживает самостоятельного исследования.

противоположное отношение к перестроичным реформам, хотя по возрасту близки (обоим за 60): «Фёдор носился с этой перестройкой, как без узды савраска и был её первым прорабом. [...] Когда покатили на коммунистов, Фёдор первым выбросил свой партбилет из кармана, и по его уже выходило, что он и с детства ненавидел этот долбаный коммунизм. Пионервожатой он, оказывается, прожигал папирской пластья, в комсомольском хоре нарочно пел не со всеми в голос, а в партии так отбрал одного коммунику на собрании, что у того и челюсть отвисла. „Дурак, — слушая его, думала Дуся, — с партбилетом-то только ты и выбился в старшие мастера“. А когда в стране заговорили о рынке, Фёдор бросился выращивать на продажу свиней. „Задарма не работаем! — говорил он. — Это у них на одну зарплату!“ [...] Так как Фёдор никогда ни к чему рук по-настоящему не прикладывал, а свиньи ему были нужны только для показухи, они скоро у него сдохли» [22]. Фёдора, болтуна и любителя выпить за чужой счёт, в посёлке не принимают всерьёз, посмеиваются и даже окрестили Федорой, но есть среди литературных героев и солидные люди, например, партийные и комсомольские функционеры, которые с началом реформ быстро перестроились и «ловко прыгнули в дамки» [11, с. 335].

«...Время тогда было такое: всё, что шло от коммунистов, рубилось под корень, а само слово коммунист было ругательным», — поясняет Ю.П. Пензин [22]. Персонаж В.Г. Заводинского, занимающий должность первого секретаря горкома КПСС, приходит к выводу, что настала пора «встраиваться в какие-то новые ряды, с новыми перспектиками», и предлагает товарищам по партии учредить компанию по продаже подержанных японских авто, прибегнув к административному ресурсу [10, с. 36, 93—94]. «...В годы перестройки... номенклатурные коты почуяли, что масленица кончается, и кинулись вылизывать остатки сметаны, строить коттеджи, покупать машины, создавать за государственный счёт частные фирмы», — комментирует В.Г. Заводинский [11, с. 289]. Так действуют и представители комсомольской номенклатуры в произведениях В.Г. Лецика [19, с. 47] и А.В. Кузнецова-Тулянина [16, с. 280—281]. Пока рядовые граждане, шокированные свалившимся на голову свободой и перестроичными новшествами, испытывали дезориентацию, пытаясь адаптироваться к новым условиям, многие функционеры уже уверенно продвигались вперёд по «маящей дороге первоначального накопления капитала» [19, с. 47].

В рассказе хабаровского писателя В.А. Русского бывший ветеринарный фельдшер по фамилии Птицын, в годы радикальных реформ оставшийся без жилья и теперь обитающий в подвале, подбирает на помойке книги. Вскоре выясняется, что выбросил их некий общественный деятель, по словам Птицына, «клоун», который в советское время был председателем различных комиссий, а теперь занялся бизнесом: «С перестройкой — послабуха. Спектакль закончен, декорации на помойку. Деловой френч сменил на джинсы демократические... стал каким-то предпринимателем. Благоверная в туристическом бюро заворачивает. Другую пьеску играют, понимаешь? [...] С полочек, откуда глядели... революционные классики, сейчас глядят иконки... Эта засрачная неваляшка знает, когда красный, когда чёрный флаг над головой вздымить», — презрительно говорит Птицын [26, с. 121—122]. Персонаж

романа Ю.С. Рытхэу Чейвун, по чукотским меркам состоятельный, «крепкий мужик», рассуждает: «Многие так называемые коммунисты быстро перекрасились, объявили себя демократами. Они и не были настоящими большевиками. Кто больше даст, тому и лизали руки...» [27, с. 228]

Владивостокский автор Т.Ф. Алёшина констатирует крушение перестроечных надежд: «Люди-то думали, что просто, наконец, сменится на новое, замечательное, но всё... рушилось, исчезало и пропадало» [2, с. 73]. В связи с перестройкой писатели вспоминают пустые прилавки, длинные очереди, талоны на товары первой необходимости. «Талоны-то были, а товары часто отсутствовали», — комментирует сахалинский автор Н.А. Тарасов [34, с. 476]. «За мороженых кур, яйца, молоко воевали, как на войне. И весело, и стыдно вспомнить», — пишет Т.Ф. Алёшина [2, с. 74]. «Баня в Улаке с началом перестройки и демократизации была закрыта, и люди мылись в кочегарке. Туда надо было приходить со своей лампочкой», — читаем в романе Ю.С. Рытхэу [27, с. 292]. В.В. Сукачёв саркастически замечает: «Седьмой год перестройки, дай бог ей здоровья, всё растили и развалили, камня на камне не оставили...» [33, с. 488] Герой магаданского прозаика В.М. Фатеева с грустью созерцает недостроенные здания на улицах Магадана — останки нереализованного модернизационного проекта: «...незавершёнка для города настоящее бедствие. Школы, общежития, жилые дома, и никогда в них не будет ни учеников, ни жильцов. С высоты птичьего полёта вид как после беспощадной бомбёжки — оставы зданий, как серые скелеты... Большинство из них ровесники перестройки...» [37] Автобиографический герой В.Г. Лецика определяет перестройку как время «идейной неразберихи и бюджетного безденежья» [19, с. 47].

В повести В.А. Русского пациент психиатрической больницы, регулярно слушающий городское радио, которое работает в соседнем помещении, со злой иронией говорит товарищу по палате: «Нашу мечту поменяли на рынок... Были товарищи, стали господа. Служащие снова стали чиновниками, подачка бедному — каким-то спонсорством. Вокзальный бичура получил интеллигентное название — бомж... И всё это называется пе-рес-тройкой... Десятки лет недоумок строил розовую беседку и вдруг увидел, что это вовсе не беседка, а свинарник. Р-раз его одним махом! Порушил. До основания развалил» [25, с. 165]⁵.

Постфактум дальневосточные писатели в большинстве своём дают перестройке негативную оценку, рассматривая эту эпоху через призму распада СССР и последующих «лихих девяностых». Герой хабаровчанина К.В. Распутина, офицер в отставке, называет перестройку «грабительской», поскольку в конечном итоге она привела к обнищанию миллионов людей [24, с. 226]. Персонаж Ю.С. Рытхэу, полковник госбезопасности, тоже недобрым словом поминает «проклятую перестройку, которая в одноточье разрушила, казалось бы, построенное навеки, незыблемое советское государство» [27, с. 47]. Проклятия звучат и в рассказе биробиджанского автора А.Л. Драбкина, который с болью рассказывает о последовавших за перестройкой процессах деиндустриализации,

⁵ Здесь очевидна отсылка к тексту международного пролетарского гимна «Интернационал» («Весь мир насилья мы разрушим до основания...»).

разрушения социальной инфраструктуры, сжатия населённых пунктов, падения уровня жизни, о разгуле криминала [9, с. 115].

В романе И.Д. Левитес интеллигентная старушка (1910 г.р.) фактически приравнивает перестройку к революции [18, с. 89], и в этом она не одинока. «Считалось, что перестройка будет программой подготовки советских систем и институтов к их мягкой трансформации в ходе реформ. Но преобразования были столь радикальными („шоковыми“), что их называли революционными», — пишет С.Г. Кара-Мурза [13, с. 54]. В романе В.М. Фатеева простой парень Коляня, сменивший несколько профессий, тоже ищет определение происходящему: *«Перестройка. Точнее, революция. Или наоборот — контрреволюция, как его папаня говорит»*. По мнению героя, перестройка аннулировала завоевания революции 1917 г.: *«Царь Борис воссел на троне. <...> И частную собственность объявили. И у народа всё подчистую отняли! А что ещё не отняли, отнимут!»* [38] Автобиографический герой Фатеева на чём свет стоит кроет *«грёбаную перестройку»*, которая перевернула общественную систему ценностей с ног на голову [37]. Герой владивостокского автора В.Н. Вещунова, заядлый книголюб, заменяет набивший оскомину термин созвучным словом *«перекройка»*, обрушиваясь на продажных демократов [7, с. 177].

Во многих художественных произведениях перестройка, её достижения и провалы неразрывно связаны с именем М.С. Горбачёва, что вполне закономерно: его правление было ярко персонифицированным [6, с. 21], потому и ответственность за результаты реформ возлагалась в первую очередь на него, *«иудушку меченого»*⁶ [32, с. 91]. В рассказе-эссе И.И. Шепеты действие происходит в посёлке Восток Приморского края: *«В Горбачёва мало кто верил. Особенно под землёй, в среде горняков. Какая перестройка, когда над головой полкилометра горных пород? Выбей опору, и придавит так, что „мявкнуть“ не успеешь!»* [41, с. 20]

В рассказе приамурского прозаика В.А. Куприенко Тесть-моторист и Зять, пресс-секретарь губернатора, ностальгируют по СССР, попеременно ругая президентов — Горбачёва и Ельцина. *«Больше всегда Горбачёву доставалось — автору развали Союза»*, — отмечает автор. *«И чего не хватало?»* — патетически вопрошают Тесть. *«До Горбачёва всё почти устаканилось, — соглашается Зять, — люди вроде жить только начали, якорь ему в ж...пу»* [17, с. 73—74]. В качестве комментария приведём заключение исследователя А.А. Чемшига: «Горбачёва и не боялись, и не любили, если не брать во внимание первые год-два, когда он вызывал у людей определённые симпатии. Но как только народ разобрался, что новый глава государства в действительности не тот, каким хочет казаться, то изменил своё отношение к нему. На смену симпатии пришло презрение...» [39, с. 71]

В романе Ю.С. Рытхэу терапевт, работающий в одном из чукотских сёл, выходец с Украины, мечтал *«накопить деньжат на домик*

⁶ Меченым М.С. Горбачёва прозвали в народе из-за наличия на голове родимого пятна необычной формы. Правитель России Михаил Меченый фигурирует в пророчествах невыясненного происхождения, которые стали частью перестроечного фольклора.

и благополучно вернуться под Киев с солидной северной пенсией. Но перестройка, затяжная Горбачёвым, поломала все его планы. <...> В результате денежных реформ испарились все его сбережения, а... его родное село и вовсе оказалось за границей» [27, с. 151]. О разрушительном действии перестройки говорит и И.И. Шепета: «В конце восьмидесятых происходит радикальный слом всего, что было привычным, советским. <...> Рухнула вера, почти религиозная, в свою страну, в себя, в предначертанный старшими поколениями путь» [41, с. 20]. Миллионы людей переживают кризис гражданской идентичности, с одной стороны, имевший личностное значение, с другой — ставший одной из важных предпосылок распада СССР [36, с. 16]. «...У меня появилась японская машина „Блюбёрд“ — Синяя Птица. Подержанная, нерусская птица счастья. И за небольшие деньги я продал птицу красную, отечественную», — продолжает И.И. Шепета. В данном случае речь идёт о доставшемся герою по наследству красном «запорожце», но, судя по всему, за этими словами скрывается и другой смысл — далее автор транслирует его уже открытым текстом: «Страну не смогли сохранить. Великую, не имеющую себе равных во всей известной истории человечества» [41, с. 55, 57].

Автобиографический герой приамурского писателя В.Г. Лецика летом 1991 г., тщательно подбирая иностранные слова, говорит приезжей американке: «Мы в России не делаем жвачку. Это слишком сложно. Гораздо легче делать танки, пушки, ракеты». Американка заулыбалась — оценила шутку, а герой, отойдя в сторону, почувствовал себя неловко. И потом, через много лет, ему не даёт покоя это воспоминание: «кучка подростков у Дома молодёжи, рыжеволосая Сабочка с благотворительной жвачкой — и я сам, в каком-то телячьем восторге иронизирующий на чужом языке о своей стране» [19, с. 48, 51].

Широко используется в художественных текстах и прилагательное «перестроечный», и здесь тоже открывается широкий простор для оценок и характеристик. «Разоблачительные перестроечные годы» вспоминает со смешанными чувствами Н.А. Тарасов [34, с. 413]. В.Г. Лецик пишет о «бестолковой череде больших и малых перестроечных новшеств» [19, с. 44]. В тексте магаданского поэта А.А. Пчёлкина фигурирует «перестроечный кадрилец» [23, с. 78]. Владивостокский прозаик В.О. Авченко (1980 г.р.) называет себя человеком, выросшим «в перестроенном дурмане отрицания всего советского» [1, с. 218]. В самом деле, ура-восприятие советским обществом перестроечных нововведений напоминает наваждение, помрачение сознания. В стихотворении сахалинского поэта В.В. Семенчика 1989 г. читаем:

И глянул я в эти лица
и дальше — сквозь лутъ окна,
где в судорожных границах
отчаянная страна
кричала и бормотала,
хрипела песни свои,
 знамёнами трепетала
и корчилась в забытьи... [28, с. 117].

Лирический герой с болью взирает на свою, словно потерявшую рассудок, страну, «где ликуют черти, / а слово лжёт во хмель», продолжая её любить вопреки всему, любить «до смерти, до бешеных слёз» [28, с. 118].

По мнению И.И. Шепеты, 1989 г.— это уже закат перестройки: «Начиналась новая эпоха. То ли свободы, то ли ещё большего беспространственного рабства»,— заключает автор, именно этот год он считает роковым, рубежным [41, с. 43, 55, 57]. Отметим, что точка зрения писателя совпадает с мнением исследователей. Так, Г.А. Тимофеев называет 1989-й годом «перелома перестройки», поскольку он ознаменовался переходом к отрицательной динамике в экономике, резко усилившейся политизацией общества, ростом национальных противоречий, социальным расслоением, крушением соцлагеря. «С этого года страна сворачивает на иной путь»,— заключает историк [35, с. 103, 107]. Исследования дальневосточных учёных показали: начиная с 1989 г. доверие жителей Дальнего Востока к власти быстро падает, проводимые преобразования утрачивают популярность [5, с. 16].

«...К концу 1980-х — началу 1990-х годов возникло ощущение того, что Советское государство, так долго казавшееся вечным, может быть не так уж иечно»,— заключает А. Юрчак [42, с. 33—34]. Это ощущение, безусловно, присутствует в дальневосточной художественной литературе рубежа восьмидесятых — девяностых. Предчувствие грядущих катаклизмов читается в стихах владивостокского поэта А.В. Бочинина, опубликованных в 1991 г.:

...Сегодня — это лишь начало
Всего того, что будет завтра:
Весь мир провалился, как в яму.
Считай, что с солнцем ты простился...
И вроде гром ещё не грянул,
А я уже перекрестился [4, с. 21].

Поэт собирается с духом «перед чёрной силой краха» [4, с. 21]. «И снова пытает судьбу перестройка, / оставил России последний патрон»,— вторит А.В. Бочинину камчатский автор Е.И. Сигарёв [29, с. 28].

«Это был период быстрого социального расслоения и накопления энергии раскола общества»,— отмечает исследователь А.С. Ващук. Власть стремительно утрачивала контроль над социально-экономическими процессами в отдалённом регионе, а широкие слои населения, ощущив её слабость, вынужденно меняли жизненную стратегию [5, с. 16—17; 21, с. 828—829]. Герой Л.А. Симачёва, рядовой житель «небольшого голодного городка», в 1991 г. наблюдая за соседями — работниками торговли, которые в силу своего положения в обществе далеки были от проблем «доставания» товаров первой необходимости, и за процессом взаимодействия этой социальной группы с представителями власти, приходит к выводу: «...всё, наступил беспредел и каждый крутится как может» [30, с. 225]. Сходную оценку этому периоду, уже постфактум, даёт Т.Ф. Алёшина: «...Перестроечная анархия и не думала заканчиваться. Наоборот, медленно, но верно переходила в беспредел» [2, с. 75]. В.О. Авченко констатирует, что «дурной, обильный

вирусами воздуха перестройки, казавшийся поначалу свежим ветром, сменился не менее дурной духотой» [1, с. 299].

Где же авторы проводят границу между перестройкой и «лихими девяностыми?» Многие такой границы не проводят вовсе: термин «перестройка» зачастую употребляется и в отношении более поздних событий и процессов. «Ты посмотри, как за десять лет этой грёбаной перестройки народ одичал», — говорит автобиографический герой В.М. Фатеева [37] (напомним, что собственно перестройка (1985—1991) не продлилась и семи лет). «В эту эпоху сплошной перестройки...» — читаем в стихотворении хабаровского поэта М.Ф. Асламова... второй половины 1990-х [3, с. 94]. «Непогодь: стихи перестроенных лет» — так называется книга А.А. Пчёлкина, в которую вошли произведения, созданные со второй половины 1980-х и вплоть до конца 1990-х гг. [23].

Отметим, что такой подход соотносится с данными полевых исследований дальневосточных историков: собранные ими в первой половине 2010-х гг. материалы показали, что со временем собственно перестройка в массовом сознании соединяется с «лихими девяностыми» в непрерывный процесс радикальных преобразований [5, с. 19; 6, с. 7; 14, с. 69]. В исследованиях были задействованы представители самых разных социальных групп, проживавшие в городах, посёлках, сёлах Дальневосточного региона. Многие участники характеризовали этот длинный переходный период как время серьёзных испытаний, преодолеть которые не всем оказалось под силу [14, с. 66—67, 76—77]. Ту же мысль транслируют и дальневосточные писатели. «В разгуле перестроенных стихий/ Смог выдержать и устоять не каждый», — читаем у приморской поэтессы В.Я. Гундаревой [8, с. 8]. М.Ф. Асламов сообщает, что его товарищ выпал «из оборота» и стал затворником «в дни перестройки или переворота» [3, с. 95]. «...Одни сломались, эти смылись и опохабели вон те», — бесстрастно констатирует А.А. Пчёлкин [23, с. 78]. «...Вдох полной грудью тоже подчас грозит удушьем, — заключает А.М. Лобычев. — Можно и не выдохнуть этот глоток жгучей, как спирт, свободы» [20, с. 159].

Добавим, что информация, извлечённая из художественных произведений, перекликается с данными полевых исследований и соцопросов и во многих других аспектах⁷, что позволяет сделать вывод: литературные тексты конца XX — начала XXI в. достаточно адекватно отражают взгляды широких слоёв населения, их отношение к происходящему в стране, эволюционирующему с течением времени.

Анализ дальневосточной художественной литературы показывает, что короткий период надежд, эйфории от обретения долгожданной свободы и гласности вскоре сменился горьким разочарованием; жаркие перестроечные споры, как оказалось, были только средством для выпускания пара и не принесли ожидаемых результатов; вместо ускорения страна получила лавинообразный спад производства и острый экономический кризис; борьба за справедливость и повышение уровня жизни обернулась обнищанием миллионов людей, правовым беспределом

⁷ Приведём только одну характерную фразу респондента (мужчина 1958 г.р., Южно-Сахалинск): «Просто в один момент всё рухнуло. То, во что мы так верили, вдруг перестало существовать» [14, с. 68].

и разгулом преступности. Последующие катаклизмы неизбежно ведут к переосмыслению эпохи и, соответственно, концепта перестройки. Хаос, неразбериха, дезориентация, массовый кризис идентичности, развал хозяйства, распад страны — таковы итоги перестройки, зафиксированные в дальневосточной художественной литературе, вот почему постфактум дальневосточные писатели дают перестройке преимущественно негативные оценки, редко — нейтральные, позитивные на момент исследования не обнаружены. Термины «перестройка», «перестроечный» в художественных текстах употребляются и применительно к периоду радикальных рыночных реформ, что свидетельствует о слиянии этих лет в массовом сознании в единый процесс крушения привычного мира и коренных преобразований во всех сферах жизни, что, с точки зрения рядового гражданина (в недавнем прошлом — простого советского человека), представляется вполне справедливым.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Авченко В.О. Правый руль. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 368 с.
2. Алёшина Т.Ф. Лёгкий характер // Литературный Владивосток. 2017. С. 72—79.
3. Асламов М.Ф. Из зимы // Дальний Восток. 1998. № 9. С. 93—102.
4. Бочинин А.В. Верю в жизнь инопланетную // Дальний Восток. 1991. № 12. С. 21—24.
5. Ващук А.С. Перестройка на российском Дальнем Востоке в субъективных измерениях современников: надежды на социальную модернизацию и разочарования // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 5—22.
6. Ващук А.С., Ковалевская Ю.Н., Коваленко С.Г., Крушинова Л.А., Савченко А.Е. Опыт крушения модернизационного проекта: от перестройки к дню сегодняшнему: аналитич. доклад. Владивосток, 2015. URL: http://ihaefe.org/files/analytics/doklad_perestroika_2015.pdf (дата обращения: 10.04.2025).
7. Вещунов В.Н. Встреча с жизнью. Владивосток: Дюма, 2009. 272 с.
8. Гундарева В.Я. В необозримые просторы // Литературный Владивосток. 2016. С. 3—9.
9. Драбкин А.Л. 20 лет в условиях неочевидности: очерки, рассказы, зарисовки о Биробиджане криминальном. Биробиджан, 2022. 160 с.
10. Заводинский В.Г. Меч Азраила // В исключительных обстоятельствах. Владивосток: Дальиздат, 1993. С. 5—179.
11. Заводинский В.Г. Огонь опаляет лица // В исключительных обстоятельствах. Владивосток: Дальиздат, 1994. С. 259—342.
12. Илюшин В.В. Письма осени. Благовещенск: Хабаровское кн. изд-во, Амурское отд., 1989. URL: <https://litrmir.club/br/?b=820887> (дата обращения: 10.04.2025).
13. Кара-Мурза С.Г. Кризис культуры: эссе или обзор // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 2. С. 50—66.
14. Ковалевская Ю.Н. Перестройка в обыденном сознании дальневосточников: тридцать лет спустя // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 66—79.
15. Коваленко С.Г., Поповкин А.В., Быбочкин А.В. К вопросу о значении морального фактора в осмыслении перестройки // В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. С. 33—40.
16. Кузнецов-Тулянин А.В. Язычник. М.: ТЕРРА, 2006. 384 с.
17. Куприенко В.Г. Рагу из мухоморов: с миру по строчке. Благовещенск: Визави, 2008. 158 с.

18. Левитес И.Д. Переходный возраст: избранное. Южно-Сахалинск: Сахалинское кн. изд-во, 2009. 396 с.
19. Лецик В.Г. Америка с доставкой на дом // Зелёная лампа. 2019. № 3. С. 44—68.
20. Лобычев А.М. На краю русской речи: статьи, рецензии, эссе. Владивосток: Рубеж, 2007. 336 с.
21. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960—1991 гг. / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5).
22. Пензин Ю.П. К Колыме приговорённые. Магадан: МАОБТИ, 2001. URL: <https://litrmir.club/br/?b=558700> (дата обращения: 19.04.2025).
23. Пчёлкин А.А. Непогоды: стихи перестроенных лет. Магадан: МАОБТИ, 2000. 94 с.
24. Распутин К.В. Страдания по автомобилю // Дальний Восток. 2009. № 6. С. 226—229.
25. Руссов В.А. Дураки // Дальний Восток. 1995. № 5—6. С. 123—195.
26. Руссов В.А. Живём по-новому // Дальний Восток. 1997. № 8—9. С. 116—129.
27. Рытхэу Ю.С. Чукотский анекдот. СПб.: Звезда, 2002. 352 с.
28. Семенчик В.В. Качает ветер лодочку: стихи разных лет. Южно-Сахалинск: Сахалинская обл. тип., 2015. 144 с.
29. Сигарёв Е.И. Прощание с эпохой // Дальний Восток. 1992. № 4. С. 26—28.
30. Симачёв Л.А. До коммунизма и после. Благовещенск: РИО, 2003. 272 с.
31. Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения. URL: <http://www.el-history.ru/node/436> (дата обращения: 16.04.2025).
32. Стогней А.В. Полевое // Литературный Владивосток. 2018, осень. С. 89—97.
33. Сукачёв В.В. Избранные рассказы. Хабаровск: Дальний Восток, 2005. 526 с.
34. Тарасов Н.А. По велению глупости. Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2014. 600 с.
35. Тимофеев Г.А. На переломе «перестройки»: экономика и общество СССР в 1989 году // Вестник Чувашского университета. 2006. № 6. С. 102—108.
36. Тураев В.А. Кризис советской идентичности и распад СССР // Россия и АТР. 2015. № 4. С. 5—17.
37. Фатеев В.М. Город в законе. Магадан: МАОБТИ, 1999. URL: <https://www.litlib.net/bk/81282/read> (дата обращения: 19.04.2025).
38. Фатеев В.М. Золотая моль. Магадан: МАОБТИ, 2003. URL: <https://libking.ru/books/adv-/adventure/558903-valeriy-fateev-zolotaya-mol.html> (дата обращения: 19.04.2025).
39. Чемшик А.А. «Горбачёвская перестройка» как завершающий этап десталинизации и предпосылка распада СССР // Вопросы истории. 2021. № 8 (2). С. 66—73.
40. Шепета И.И. Если смотреть на море: избранные стихотворения. Владивосток: Изд-во Ивана Шепеты, 2021.136 с.
41. Шепета И.И. Иван Иванович: рассказы, эссе, публицистика, воспоминания друзей. Владивосток: Изд-во Ивана Шепеты, 2022. 196 с.
42. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / предисл. А. Беляева; пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

R E F E R E N C E S

1. Avchenko V.O. *Pravyy rul'* [Right-Hand Drive]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2012, 368 p. (In Russ.)
2. Aleshina T.F. *Legkiy kharakter* [Easy Temper]. *Literaturnyy Vladivostok*, 2017, pp. 72—79. (In Russ.)
3. Aslamov M.F. *Iz zimy* [From Winter]. *Dal'niy Vostok*, 1998, no. 9, pp. 93—102. (In Russ.)

4. Bochinin A.V. *Veryu v zhizn' inoplanetnuyu* [I Believe in Extraterrestrial Life]. *Dal'niy Vostok*, 1991, no. 12, pp. 21–24. (In Russ.)
5. Vashchuk A.S. *Perestroyka na rossiyskom Dal'nem Vostoke v sub"ektivnykh izmereniyakh sovremennikov: nadezhdy na sotsial'nuyu modernizatsiyu i razocharovaniya* [Perestroika in the Russian Far East in the Subjective Dimensions of Contemporaries: Hopes for Social Modernization and Disappointments]. *Rossiya i ATR*, 2014, no. 4, pp. 5–22. (In Russ.)
6. Vashchuk A.S., Kovalevskaya Yu.N., Kovalenko S.G., Krushanova L.A., Savchenko A.E. *Opty krusheniya modernizatsionnogo proekta: ot perestroyki k dnyu segodnyashnemu: analitich. doklad* [The Experience of the Collapse of the Modernization Project: From Perestroika to the Present Day: Analytical Report]. Vladivostok, 2015. Available at: http://ihafe.org/files/analytics/doklad_perestroika_2015.pdf (accessed 10.04.2025). (In Russ.)
7. Veshchunov V.N. *Vstrecha s zhizn'yu* [Meeting with Life]. Vladivostok, Dyuma Publ., 2009, 272 p. (In Russ.)
8. Gundareva V.Ya. *V neobozrimye prostory* [Into the Vast Expanses]. *Literaturnyy Vladivostok*, 2016, pp. 3–9. (In Russ.)
9. Drabkin A.L. *20 let v usloviyakh neochevidnosti: ocherki, rasskazy, zarisovki o Birobidzhane kriminal'nom* [20 Years in Obscurity: Essays, Short Stories, Sketches about Criminal Birobidzhan]. Birobidzhan, 2022, 160 p. (In Russ.)
10. Zavodinskiy V.G. *Mech Azraila* [Azrael's Sword]. *V isklyuchitel'nykh obstoyatel'stvakh* [In Exceptional Circumstances]. Vladivostok, Dal'izdat Publ., 1993, pp. 5–179. (In Russ.)
11. Zavodinskiy V.G. *Ogon' opalyaet litsa* [Fire Scorches Faces]. *V isklyuchitel'nykh obstoyatel'stvakh* [In Exceptional Circumstances]. Vladivostok, Dal'izdat Publ., 1994, pp. 259–342. (In Russ.)
12. Ilyushin V.V. *Pis'ma oseni* [Letters of Autumn]. Blagoveshchensk, Khabarovskoe kn. izd-vo Publ., 1989. Available at: <https://litmir.club/br/?b=820887> (accessed 10.04.2025). (In Russ.)
13. Kara-Murza S.G. *Krizis kul'tury: esse ili obzor* [Cultural Crisis: Essay or Review]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2018, no. 2, pp. 50–66. (In Russ.)
14. Kovalevskaya Yu.N. *Perestroyka v obyennom soznanii dal'nevostochnikov: tridtsat' let spustya* [Perestroika in the Everyday Consciousness of the People of the Far East: Thirty Years Later]. *Rossiya i ATR*, 2014, no. 4, pp. 66–79. (In Russ.)
15. Kovalenko S.G., Popovkin A.V., Bybochkin A.V. *K voprosu o znachenii moral'nogo faktora v osmyslenii perestroyki* [On the Significance of the Moral Factor in Understanding Perestroika]. *V zerkale Perestroyki: k osmysleniyu rossiyskoy transformatsii* [In the Mirror of Perestroika: Towards Understanding Russian Transformation]. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ., 2015, pp. 33–40. (In Russ.)
16. Kuznetsov-Tulyanin A.V. *Yazychnik* [Pagan]. Moscow, TERRA Publ., 2006, 384 p. (In Russ.)
17. Kuprienko V.G. *Ragu iz mukhomorov: s miru po strochke* [Fly Agaric Stew: A Line from Everyone]. Blagoveshchensk, Vizavi Publ., 2008, 158 p. (In Russ.)
18. Levites I.D. *Perekhodnyy vozrast: izbrannoe* [Transitional Age: Selected Works]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinskoe kn. izd-vo Publ., 2009, 396 p. (In Russ.)
19. Letsik V.G. *Amerika s dostavkoy na dom* [America with Home Delivery]. Zelenaya lampa, 2019, no. 3, pp. 44–68. (In Russ.)
20. Lobychev A.M. *Na krayu russkoy rechi: stat'i, retsenzii, esse* [On the Edge of Russian Speech: Articles, Reviews, Essays]. Vladivostok, Rubezh Publ., 2007, 336 p. (In Russ.)
21. *Obshchestvo i vlast' na rossiyskom Dal'nem Vostoke v 1960–1991 gg.* [Society and Government in the Russian Far East in 1960–1991]. General ed. by V.L. Larin, executive ed. A.S. Vashchuk. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ., 2016, 940 p. (Istoriya Dal'nego Vostoka. T. 3. Kn. 5 [The History of the Far East. Vol. 3. Book 5]). (In Russ.)

22. Penzin Yu.P. *K Kolyme prigovorennye* [Sentenced to Kolyma]. Magadan, MAOBTI Publ., 2001. Available at: <https://litmir.club/br/?b=558700> (accessed 19.04.2025). (In Russ.)
23. Pchelkin A.A. *Nepogod': stikhi perestroechnykh let* [Bad Weather: Poems of the Perestroika Years]. Magadan, MAOBTI Publ., 2000, 94 p. (In Russ.)
24. Rasputin K.V. *Stradaniya po avtomobilu* [Suffering over a Car]. *Dal'niy Vostok*, 2009, no. 6, pp. 226—229. (In Russ.)
25. Russkov V.A. *Duraki* [Fools]. *Dal'niy Vostok*, 1995, no. 5—6, pp. 123—195. (In Russ.)
26. Russkov V.A. *Zhivem po-novomu* [Living in a New Way]. *Dal'niy Vostok*, 1997, no. 8—9, pp. 116—129. (In Russ.)
27. Rytkheu Yu.S. *Chukotskiy anekdot* [Chukotka Joke]. Saint Petersburg, Zvezda Publ., 2002, 352 p. (In Russ.)
28. Semenchik V.V. *Kachaet veter lodochku: stikhi raznykh let* [The Wind Shakes the Little Boat: Poems of Different Years]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinskaia obl. tip. Publ., 2015, 144 p. (In Russ.)
29. Sigarev E.I. *Proshchanie s epokhoy* [Farewell to an Era]. *Dal'niy Vostok*, 1992, no. 4, pp. 26—28. (In Russ.)
30. Simachev L.A. *Do kommunizma i posle* [Before and after Communism]. Blagoveshchensk, RIO Publ., 2003, 272 p. (In Russ.)
31. Sokolov A.K. *Sotsial'naya istoriya Rossii noveyshego vremeni: problemy metodologii i istochnikovedeniya* [The Social History of Modern Russia: Problems of Methodology and Source Studies]. Available at: <http://www.el-history.ru/node/436> (accessed 16.04.2025). (In Russ.)
32. Stogney A.V. *Polevoe* [Fieldwork]. *Literaturnyy Vladivostok*, 2018, autumn, pp. 89—97. (In Russ.)
33. Sukachev V.V. *Izbrannye rasskazy* [Selected Stories]. Khabarovsk, Dal'niy Vostok Publ., 2005, 526 p. (In Russ.)
34. Tarasov N.A. *Po veleniyu gluposti* [At the Behest of Stupidity]. Yuzhno-Sakhalinsk, Lukomor'e Publ., 2014, 600 p. (In Russ.)
35. Timofeev G.A. *Na perelome «perestroyki»: ekonomika i obshchestvo SSSR v 1989 godu* [At the Turning Point of “perestroika”: The Economy and Society of the USSR in 1989]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2006, no. 6, pp. 102—108. (In Russ.)
36. Turaev V.A. *Krizis sovetskoy identichnosti i raspad SSSR* [The Crisis of Soviet Identity and the Collapse of the USSR]. *Rossiya i ATR*, 2015, no. 4, pp. 5—17. (In Russ.)
37. Fateev V.M. *Gorod v zakone* [A City under the Law]. Magadan, MAOBTI Publ., 1999. Available at: <https://www.litlib.net/bk/81282/read> (accessed 19.04.2025). (In Russ.)
38. Fateev V.M. *Zolotaya mol'* [Golden Moth]. Magadan, MAOBTI Publ., 2003. Available at: <https://libking.ru/books/adv-/adventure/558903-valeriy-fateev-zolotaya-mol.html> (accessed 19.04.2025). (In Russ.)
39. Chemshit A.A. «*Gorbachevskaya perestroika*» kak zavershayushchiy etap de-stalinizatsii i predposylka raspada SSSR [“Gorbachev’s Perestroika” as the Final Stage of Destalinization and the Precondition for the Collapse of the USSR]. *Voprosy istorii*, 2021, no. 8 (2), pp. 66—73. (In Russ.)
40. Shepeta I.I. *Eсли smotret' na more: izbrannye stikhovoreniya* [If You Look at the Sea: Selected Poems]. Vladivostok, Izd-vo Ivana Shepeti Publ., 2021, 136 p. (In Russ.)
41. Shepeta I.I. *Ivan Ivanovich: rasskazy, esse, publitsistika, vospominaniya druzey* [Ivan Ivanovich: Stories, Essays, Journalism, Memories of Friends]. Vladivostok, Izd-vo Ivana Shepeti Publ., 2022, 196 p. (In Russ.)
42. Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It Lasted Forever, until It Was Over. The Last Soviet Generation]. Preface by A. Belyaev, transl. from Eng. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, 664 p. (In Russ.)